

VITA №2

ANTIQUA

КИЇВ
1999

Номер затверджено до друку на засіданні Вченої ради історичного факультету Київського університету імені Тараса Шевченка

РЕДАКЦІЙНА КОЛЕГІЯ:

д.і.н., проф. Гладких М.І. (головний редактор)
к.і.н., викл. Андрощук Ф.О. (відповідальний секретар)
д.і.н., проф. Борисенко В.К.
д.і.н., Залізняка Л.Л.
д.і.н., проф. Крижанівський О.П.
к.і.н., доц. Малєєв Ю.М.
д.і.н., проф. Моця О.П.
к.і.н., доц. Омельченко Ю.А.
к.і.н., ст.н.співроб. Піоро І.С.
ас. Рижов С.М.

РЕЦЕНЗЕНТИ:

д.і.н. проф. Буравченков Б.О.
д.і.н. Зубар В.М.

Засновник - "Товариство
Археології та Антропології"

Реєстраційне свідоцтво
КІ № 350 видане 8 лютого 1999 р.
Міністерством інформації України

Оригінал-макет виготовлено
у видавничому відділі Товариства
Археології та Антропології

Адреса редакції: 252030, м. Київ,
вул. Володимирська, 64, ауд. 164

Редактор **Комар О.В.**

Редактор англomовних текстів **Репік Д.В.**

Художнє оформлення **Піоро В.І., Адаменко Д.В.**

Комп'ютерна верстка **Піоро В.І.**

© Товариство Археології
та Антропології, 1999

© Колектив авторів, 1999

Підписано до друку 30.12.99. Формат 60x84/8. Пап. офс. № 1. Друк офсетний.
Ум. друк. арк. 32,5. Наклад 300 примірників.

Друкарня фірми "Есе". Київ, пр-т Вернадського, 34/1.

VITA

2•1999

ANTIQUA

ЗМІСТ

Кухарчук Ю.В. Про культурну належність муст'єрського місцезнаходження Чулатове III у Подесенні	3
Пясецький В.К. Палеоліт східної частини Волинської височини	8
Ступак Д.В. Технології розщеплення кременюсвідерської культури Українського Полісся за аналізом нуклеусів	18
Корнієнко В.В. Класифікація антропоморфних зображень пізнього палеоліту	25
Смынтына Е.В. Миграции населения и способ культурно-исторической адаптации: некоторые проблемы соотношения (по материалам мезолитических поселений Украины)	31
Михайлова Н.Р. Міфи про оленя у народів Євразії	38
Хассан Хасан Древний город Мари (проблеми историко-археологического изучения)	45
Мамлеева Л.А. Становление Великого шелкового пути в системе трансцивилизованного взаимодействия народов Евразии	53
Піоро В.І. Поховання катакомбної культури з виробничим інвентарем на Луганщині	62
Лисенко С.Д. Козаровицький могильник доби пізньої бронзи	69
Зубарь В.М., Крапивина В.В. О римском гарнизоне Ольвии в середине III в.	76
Петраускас А.В., Петраускас О.В., Шишкін Р.Г. Нове пізньозарубінецьке поселення біля с. Крюківщина на Київщині	84
Левада М.Є., Осадчий Р.М. Нові пам'ятки черняхівської культури на півночі Вінницької області (До питання про заселення межиріччя Південного Бугу та Росі у пізньоримський час)	92

ДРЕВНИЙ ГОРОД МАРИ

(проблемы историко-археологического изучения)

The paper analyzes perspectives of the complex study of the unique historical and cultural center of the Near East civilization – the Mary city at the Middle Euphrates.

До середины 1930-х гг. название древневосточного государства Мари было известно лишь в самом узком кругу специалистов по истории Древнего Востока. Да и они знали (на основании sporadических, случайных упоминаний названия Мари в отдельных шумерских, аккадских, хеттских и ассирийских надписях) лишь то, что некогда существовало государство Мари, что находилось оно в стране Хама, расположенной к северо-западу от Вавилонии, по среднему течению Евфрата, у устья одного из его притоков - реки Хабур.

Действительно, имя этого города не единожды встречалось в давних документах. Судя по ним, Мари возник где-то в начале IV тыс. до н.э. Но уже в первой трети III тыс. до н.э., после двух или трех столетий расцвета, успехи его были приостановлены, и весьма резко, соперниками, обосновавшимися на юге - то ли царем Лагаша Эаннаду (около 2850 г. до н.э.), то ли царем Саргоном Аккадским (около 2750 г. до н.э.). Более или менее достоверно одно: вначале Мари вынужден был покориться Эаннаду, потом Саргону и, наконец, Нарамсину.

На три или четыре столетия - так свидетельствуют источники - воцаряется тишина.

Вновь о Мари начинают говорить во времена третьей династии города Ура, около 2300 г. до н.э. некий Ишта-Ира становится царем города Исин, соперника Ура. В конце концов, Исину удается одержать верх над Уром. К этому времени относится и новый взлет Мари [см.: Парро, 1979].

Занимая ключевые позиции на Среднем Евфрате, опираясь на родственную династию в Исине, находящемся в 700 км к югу, правители Мари продолжительное время осуществляют контроль едва ли не над всей Южной Месопотамией и над торговыми путями, которые ведут из Анатолии к Персидскому заливу.

Пожалуй, этим почти исчерпывались знания даже крупнейших востоковедов о государстве Мари до археологического обнаружения его столицы - города Мари

Это археологическое «воскрешение» Мари, знаменитого ныне городища на Евфрате под холмом Тель-Харири, руками, искусством и многолетним кропотливым трудом его первого и основного исследователя Андре Парро в 1933 году произвело огромное впечатление на древневосточный археологический мир, подействовало на него в свое время, как писал об этом ровно полвека спустя его нынешний исследователь, ученик А.Парро Жан Маргерон, «как удар грома» [Маргерон, 1985, с.96]. Это был «звездный час археологической науки» - так оценивается находка Мари в наши дни [Майбаум, 1982, с.24].

Город Мари долгое время оставался вне поля зрения археологов. Раскопки шумерских и аккадских городов вызывали широкий интерес со времен их начала в 40-х гг. XIX в. В обнаруженных в них

материалах многократно упоминалось царство Мари и его великолепная столица. Во время раскопок в Вавилоне была найдена даже статуя Пузур-Иштар, царя Мари, голова которой хранится ныне в Переднеазиатском музее Берлина. Обнаруженные в Ниппуре глиняные таблички характеризовали Мари как важный экономический и политический центр [см.: Barton, 1929]. Сведения, относившиеся к более позднему времени, указывали, что в конце III тыс. до н.э. Мари достигло небывалого расцвета. Среди этих сведений содержались и восторженные сообщения путешественников, посетивших Мари и пораженных красотой города, жизнерадостности его жителей, образцовому порядку в стране. Так, царь Угарита послал своего сына в Мари, который подтверждал, что даже самые красочные описания бледнеют перед действительностью [Майбаум, 1982, с.22].

Действительно, к началу 1930-х гг. известные многолетние раскопки Ура уже позволяли достаточно уверенно судить о политической и культурной истории древнейшего Шумера, а археологические исследования Киша, Эшнунны и Описа проливали яркий свет на историю древнего Аккада [см.: Авдиев, 1936, с.138]. Однако находка Мари открыла целый, неведомый доселе мир. Под холмом Тель-Харири находилась столица некогда могущественного государства. И веские доказательства тому, что уже в III тыс. до н.э. сирийская культура, отличавшаяся, как выяснилось, поразительной самобытностью, достигла больших высот и в области урбанизации, и в архитектуре, и в искусстве, в художественном видении мира. Обращая на это внимание, известный советский историк и археолог Н.Я.Мерперт, имел все основания написать: «Открыт новый большой город новой, не известной доселе державы древнего мира, новая цивилизация и, наконец, новый язык. В таких случаях обычно говорят о новой странице в истории человечества» [цит. по: Варшавский, 1982, с. 52]. Ученый писал об Эбле, но сказанное не в меньшей мере может относиться к Мари [Мерперт, 1978].

Внезапное разрушение и катастрофическая гибель Мари оказались большой удачей для археологов - город погиб в момент своего расцвета. Усиление Хаммурапи в Вавилоне приводит к тому, что им захвачены сначала Урук, а затем Исин. И, на 35-ом году своего 43-летнего правления (ок.1792-1750 гг. до н.э.) Хаммурапи, «по велению Ану и Энлила... разрушил стены Мари». Город был уничтожен, и найден Андре Парро лишь в 1933 году. С этого времени началась его новая, научная жизнь [см.: Пехлер, 1940; Парро, 1979; Варшавский, 1982].

Надо заметить, что и сегодня, спустя более полувека и более 20-ти полевых сезонов («campagnes») изучения Мари, его материалы производят огромное эмоциональное впечатление на археологов [Margueron, 1984, p. 281]. Но, увы, теперь уже толь-

ко на них. Руины Мари ныне пребывают в совершенном пренебрежении и почти никак не используются как историко-культурный объект. Его не посещают туристы, потому что здесь «скучный, однообразный ландшафт». Состояние памятника сразу же разочаровывает даже случайных посетителей. «Всякий раз испытываешь волнение, - пишет Ханс Майбаум, - когда приближаешься к месту, в котором люди тысячи лет назад жили, работали, создавая культурные ценности... Экскурсовод сообщает мне, что я стою на зиккурате. Я не вижу даже следа ступенек. Песчаный холм - и ничего больше. Только зал с его внушительной двадцатистиметровой длиной да множеством проходов, дворов, стена, достигающая в некоторых местах 5 метров высоты... Вся территория усеяна черепками... остальное разрушено эрозией. То, что пережило под защитой масс земли четыре тысячи лет, не выдержало и тридцати лет после окончания раскопок. Все столбы, опорные балки, колонны, статуи давно вывезены. А что осталось, развеет ветер» [Майбаум, 1982, с.29].

К сожалению, такова судьба многих ярких и значимых археологических памятников. Однако, очень не хотелось бы, чтобы Мари эту судьбу разделил, чтобы его древняя и удивительная культура была «развеяна ветром» современности. А такая опасность есть. Археологические сведения ныне еще достаточно «свежие» - однако они разобщены, разбросаны по разным и мало доступным публикациям. Для достаточно широкого круга археологов они давно утратили прелесть новизны. С ними могут ознакомиться лишь соответствующие специалисты. То же касается и экспозиционных материалов - они разрознены и хранятся в разных музеях. Это препятствует цельному и органичному восприятию истории и культуры Мари как чрезвычайно своеобразного памятника месопотамской цивилизации. Свести воедино и обобщить эти сведения поэтому представляется совершенно необходимым. Именно в этом нам видятся основные цели и смысл настоящей статьи - показать основные проблемы изучения истории и культуры Мари на фоне всей древней месопотамской цивилизации.

Дело в том, что в настоящее время Мари известен, прежде всего, своим обширным клинописным архивом - более 25000 табличек, которые «являются значительным источником по истории внешней политики, а также административной и экономической структуры царства» [Брей, Трамп, 1990, с.151]. Историко-культурному значению этого памятника в литературе уделяется куда меньшее внимание. И такое внимание постепенно, и все более, обретает тенденцию к затуханию, особенно по мере новых открытий других ярких археологических памятников, прежде всего, Эблы [см.: Маттиз, 1980, с.34-51, и др.]. Между тем, как мы стремимся показать, именно открытие и археологическое изучение Эблы может послужить целям установления исключительного культурного своеобразия и подчеркнуть самобытность Мари. «Если по отношению к Мари, - полагает Ж.Маргерон, - результатом открытия было резкое увеличение знаний о начале II тысячелетия до н.э. и уточнение сведений по некоторым нерешенным вопросам, например, в области хронологии, то применительно к Эбле это открытие ознаменовалось пересмотром некоторых уже ранее выдвигавшихся проблем: вновь был поднят вопрос о связях между городами Ближнего Востока второй половины III тысячелетия до н.э., а также самой роли этих городов» [Маргерон, 1985, с.96]. В этом отношении, как нам представляется, открытие Эблы лишь оттеняет значение Мари как самобытного культурного явления.

Сказанное, надо полагать, во многом определяет особую тематическую актуальность археологического исследования Мари и всей связанной с ним историко-культурной проблематики, касающейся комплексного изучения всей древней месопотамской цивилизации. Видимо, нет нужды здесь пространно повторяться, что такое пристальное изучение имеет уже более чем полуторавековую историю, а фонд источников и литературы, их трактуемой, столь велико, что вряд ли поддается обозрению. Кратко лишь оговорим эти обстоятельства применительно к характеру проблематики изучения Мари. Они, в совокупности, представляются нам в следующем виде.

Руины и нерасшифрованные клинописные надписи древней Месопотамии, довольно внезапно попавшие в поле зрения европейских ученых во второй четверти XIX в. и вызывавшие ранее лишь мимолетный интерес, резко возвысились в общественном мнении и стали рассматриваться как послания погибших культур. Дилетанты стали оттачивать на них эрудицию, ученые считали их объектами, достойными исследования [Керам, 1966, кн.3, Крамер, 1991, и др.]. Поиски древностей превратились в арену деятельности, где европейцы соревновались в борьбе за интеллектуальный престиж и добычу для своих растущих музеев.

Эти руины и надписи вскоре довольно обстоятельно рассказали о породившей их более четырех тысяч лет назад цивилизации. Дешифровщики назвали язык найденных надписей ассирийским. Через некоторое время стало ясным, что существовали ассирийский и вавилонский диалекты того языка, который теперь принято называть аккадским. Однако наука, которая изучает язык Месопотамии с его многочисленными диалектами, зафиксированными клинописью на глине, камне или металле, и сегодня сохраняет название «ассириология».

До последней четверти XIX в. длился так наз. «героический» период этой науки: расшифровывались различные системы клинописного письма, в научный оборот входила основная масса царских надписей и целые армии археологов атаковали многие важнейшие поселения Месопотамии. Их усилия не пропали даром - на свет извлекались бесчисленные серебряные, золотые и медные предметы, под землей обнаружили великое множество статуй, рельефов, развалин монументальных зданий и т.п. Расшифровка клинописи привела к появлению ряда новых научных дисциплин, чьим предметом стала история цивилизаций, пользовавшихся одной или несколькими из новооткрытых систем письменности. Это шумерология, хеттология, история Элама, Урарту и др. Новые дисциплины во многом способствовали пониманию происхождения и окружения микенской (эгейской), палестинской и египетской цивилизаций. Однако, если говорить об «ассириологии» в целом, то, помимо текстов на глиняных табличках, объектом ее изучения являлись и вещественные памятники - прежде всего, рельефы на стенах дворцов, рисунки на керамике, бесчисленные произведения глиптики, существенно дополняющие ту обильную информацию, которая содержится на табличках, стелах и вотивных изделиях. Особенно существенен вклад археологов в изучение далекого прошлого Месопотамии, прежде всего, того важного периода - более тысячелетия - который предшествовал появлению первых письменных документов (т.е. до 2800 г. до н.э.). Поэтому им могут заниматься только специалисты в области полевой и сравнительной археологии. Но компетенция археологии не уменьшается и для более позднего времени, поскольку клинописные тек-

сты дают искаженную и весьма выборочно освещенную картину более чем двухтысячелетней месопотамской культуры. Эта картина складывается на основе обильной, но весьма неравномерно распределенной информации и весьма неполно очерченных линий политического и культурного развития. Более того, от теоретических построений, порой, не остается камня на камне вследствие огромных «белых пятен» во времени и пространстве. Одним из таких «пятен» оказалось археологическое обнаружение Мари.

Описанная научная ситуация, в общих чертах, характерна для историко-археологических исследований в целом. Применительно к нашему сюжету, она имеет свои особенности. Можно видеть, что клинописные тексты сами по себе имеют, в совокупности, широкие географические рамки распространения и охватывают весьма длительный период времени. Поэтому, если исследователь захочет сосредоточить на каком-либо конкретном периоде или на определенной проблеме, в его распоряжении окажется совсем немного клинописных документов. Их может не оказаться вообще - они крайне неравномерно распределены во времени и пространстве. Большие периоды и территории по многим причинам выпадают целиком. Крайне редко появляется возможность охватить процесс развития в течение большого промежутка времени или же уяснить себе местные отличия в один и тот же период. «Картина, которая возникает перед исследователем, пользующимся таким материалом, - метафорически пишет А.Оппенгейм, - состоит из отдельных «высвеченных мест». Впечатление такое, будто узкий луч света бродит по стране на протяжении двух тысячелетий и изредка, без всякой системы, выхватывает из темноты и освещает то один, то другой город, лежащий между Персидским заливом и Средиземным морем, оставляя все вокруг в сплошном мраке. Правда, в тех местах, куда падает луч света, перед нами предстает разнообразнейший фон, на котором создавалась история. Мы можем увидеть всю сложность общественных институтов и политических связей... возникают отдельные образы... и тут все снова окутывает мрак. Только там, где раскопки были продолжительными и плодотворными или нам особенно повезло, мы имеем сплошную освещенную полосу истории - это относится к таким городам, как Ниппур, Ашшур, Ур и в какой-то степени Сиппар» [Оппенгейм, 1990, с.20-21]. К этим городам мы хотели бы причислить и Мари.

Начало монографического изучения истории и археологии Мари, назревшая научная потребность «выхватить из темноты» его богатейшую и уникальную культуру и рассмотреть ее на фоне всей историко-культурной обстановки в древней Месопотамии, определяет здесь нашу задачу. Сказанным мы стремимся лишь кратко оговорить и состояние изученности вопроса применительно ко всей Месопотамии устами одного из самых выдающихся ее исследователей - «ассириолога» А.Оппенгейма.

Нетрудно заметить, что очерченный характер нашей проблематики, которую мы здесь пытаемся оконтурить, определяет соответствующие цели и задачи изучения. Самой постановкой вопроса о создании «историко-культурного портрета Мари», сформулированной в общих чертах А.Оппенгеймом, мы стремимся обосновать основные принципы исследования. Они направлены на создание научного представления о «культурном феномене Мари». Это оправдано, поскольку большинство материалов из раскопок Мари опубликованы довольно обстоятельно их авторами в связи с разными исследовательскими задачами. Между тем, ни

бесконечное дробление материала на мельчайшие проблемы, ни пространные описи и инвентари категорий находок, ни использование какой-либо из принятых всеобъемлющих схем не смогут представить археологию, историю и культуру Мари так, чтобы целое и отдельные части вырисовывались бы одинаково ясно. Это может быть достигнуто лишь путем достаточно широкого охвата имеющихся фактических данных о Мари, сведения их воедино и последующего проблемного изложения наиболее поддающихся обобщению научных сюжетов и наблюдений, выбранных из массы разнообразного материала. На таком пути наиболее целесообразен метод «портретирования» - выборочного изображения самого главного. «Портрет, - пишет А.Оппенгейм, - опуская подробности, передает индивидуальное, стремится уловить в человеке главное. Он позволяет не просто уловить мгновение, но и запечатлеть облик человека в какой-то важный, узловый момент его жизни, когда черты отражают пережитое и позволяют предвидеть будущее» [Оппенгейм, 1990, с.3]. Разумеется, чтобы нарисовать портрет многогранной культуры Мари, требуется столь глубокое и всеобъемлющее знакомство с ней, на какое мы едва ли можем претендовать. И все же, сознавая всю серьезность стоящих перед нами препятствий, мы избираем этот путь воссоздания историко-культурного портрета Мари - не столько как самоцель, сколько ради использования тех возможностей, которые он предоставляет. Эти возможности нам видятся в пристальном изучении основных областей культуры Мари, отраженных в археологических материалах и поддающихся исследованию - уже названные нами области архитектуры и искусства, художественного видения мира. Рассмотрение именно этих областей может положить начало дальнейшему изучению основных особенностей и внутренней сущности культуры Мари, неповторимости и уникальности на фоне всей месопотамской цивилизации.

Такие соображения мы рассматриваем лишь как общую «программу» дальнейшего исследования Мари. Ясно, что она никак не может быть реализована или, тем более, исчерпана настоящей статьёй. Здесь лишь намечаются его основные направления. Нетрудно видеть, что они, в целом и по существу, соответствуют проблематике культурной антропологии, которая подобные вопросы решает методом того же «портретирования» или же, в иной терминологии, методом «метонимии» - выпуклого освещения деталей [см.: Иванов, 1990, с.3-7]. Надо заметить, что такой метод - один из наиболее продуктивных в археологических исследованиях вообще. Ведь не существует полностью раскопанных археологических памятников, которые позволили бы даже в перспективе создавать исчерпывающие историко-культурные реконструкции. Наши сведения о прошлом всегда спорадичны и фрагментарны. Культура Мари здесь не является исключением. Поэтому реконструкция прошлого происходит обычно на основании более или менее изученных научных сюжетов или подробностей, которые служат для построения и проверки гипотез. Метод «метонимии» позволяет в этом смысле выделять и подчеркивать значимость того или иного сюжета или связанных с ними деталей, превращать частные подробности в существенную часть историко-археологического фона и научной проблематики. Детали как бы подаются крупным планом, они, в определенном смысле, замещают целое. И этом смысле нам кажется оправданным уделение одинакового внимания любым исследовательским жанрам и сюжетам - историко-географическому, архе-

ологическому, историографическому или же детальному искусствоведческому - все они, по-своему, одинаково и бесконечно информативны.

Настоящая статья нами задумана как первая работа, открывающая серию исследовательских сюжетов, которые вырисовываются на фоне археологической проблематики, связанной с изучением Мари. Прежде всего, мы избираем два научных плана, или аспекта, исследования культуры этого древнего города, которые допускают более или менее комплексное и системное его рассмотрение: это архитектура и искусство. Важность этих аспектов в воссоздании культуры Мари и ее места в культуре всей древней Месопотамии трудно переоценить. Очевидно, здесь излишне и аргументировать эту важность - ведь изучение всей месопотамской цивилизации основано именно на них. Поэтому наша работа в научном отношении вполне традиционна, она базируется на основе всей научной традиции, выработанной современной «ассириологией» (по определению А.Оппенгейма). Изучению архитектуры и искусства Мари на фоне месопотамской культуры дает надежную основу для реконструкции всей системы культурно-идеологических представлений населения Древней Сирии и возможности изучения ее связей с сопредельными культурно-историческими областями. Именно эти вопросы были поставлены в программной, можно сказать, статье Ж.Маргерона о самобытности Мари [Маргерон, 1985].

Для таких задач, надо полагать, не так уже важна история исследований Мари - она уже многократно и обстоятельно написана за более чем полвека, прошедших со времени его археологического обнаружения. Стало очевидно, что спектр историко-культурных проблем, открывающихся перед исследователем древностей Мари, поистине неисчерпаем, поскольку неисчерпаема ныне источниковедческая база его исследования. Материалы Мари тщательно и обстоятельно опубликованы и систематизированы его открывателем, а также первым и основным исследователем Андре Парро в общей серии изданий «Mission Archeologique de Mari», Paris, 1946-1968, и др. (см. библиографию). Количество и разнохарактерность источников почти необозримы и постоянно пополняются самыми разными категориями материалов. Они могут рассматриваться в зависимости от областей интерпретации - будь то эколого-географические, урбанистические, или чисто археологические соображения и наблюдения в архитектуре, или же, например, глиптика, скульптура, монументальная живопись и рельефы в искусстве и т.п.

Таким образом, совокупность сведений, известных сегодня о Мари, позволяет представить их на фоне месопотамской цивилизации и выборочно, «портретно», оттенить те из них, которые являются наиболее показательными для его культуры. Кажется очевидным, с одной стороны, органичное вхождение этого крупнейшего культурного центра в круг этой цивилизации, а с другой - его самобытность и уникальность. Именно причинам, пока еще совершенно не изученным, указанной самобытности Мари хотелось бы посвятить ряд общих соображений.

Как мы уже отметили, научная ситуация в период археологического открытия Мари была таковой, что результатами раскопок и дальнейших исследований А.Парро было резкое увеличение знаний о начале II тыс. до н.э. и уточнение сведений по многим нерешенным вопросам, например, в области архитектуры, хронологии, и самых разных жанров искусства Месопотамии. Между тем, последующие археологические открытия в Сирии, прежде

всего, в Эбле, ознаменовали новую постановку и пересмотр совершенно других, впрочем, уже ранее выдвигавшихся проблем: вновь был поднят вопрос о связях между городами Ближнего Востока в изучаемую эпоху, а также о самой роли этих городов. Эти связи прослеживаются на самых различных материалах [см. напр.: *Missione archeologica italiana in Siria, 1966-1980*; *La civita di Ebla: archeologia e filologia, 1980*; Иванов, 1989; Ламберг-Карловски, Саблов, 1992, и др.]. Все это по-новому оконтуривает общенаучные перспективы дальнейшего изучения Мари.

Речь, разумеется, идет об историко-культурном месте, которое занимало Мари на протяжении III-го и в начале II тыс. до н.э. в круге цивилизаций Передней Азии и Ближнего Востока. В связи с этим необходимо сформулировать несколько проблем с целью определить и точнее оконтурить пути и связанные с ними задачи возможных исследований в этом направлении.

Поэтому нам представляется, что всю совокупность историко-археологических сведений о Мари по многим причинам следует увязывать с особенностями историко-географического положения города Тель-Харири.

Кроме того, археологические и эпиграфические сведения чрезвычайно неравномерно освещают историю Мари, они касаются лишь, в основном, двух периодов - додинастического и раннеавилонского. Однако мы, вслед за Ж.Маргероном, не столь уж уверены в справедливости этой схемы - она могла сложиться в силу «археологической случайности», когда обстоятельно раскопанными оказываются лучше сохранившиеся объекты. Тем более, что возобновление раскопок в 1970-80-х гг. уже позволяет считать, что период шакканавов был едва ли не более важным, чем период Зимри-Лима, который обязан своей известностью обширной письменной документации, сохранившейся в том виде, в каком ее застало разрушение города Хаммурапи. Именно количество источников оказалось той причиной, которая вызвала искажение исторической реальности [Маргерон, 1985, с.97].

Таким образом, получается, что речь идет о городе, который просуществовал примерно тысячу лет. Раскопки показывают, что даже если после его разрушения царем Хаммурапи здесь снова было какое-то поселение, то оно уже ничем не напоминало некогда могущественный и богатый город, а представляло собой лишь небольшой посад или сторожевой пост. Остается только гадать о причинах такой относительно короткой истории, в особенности по сравнению со значительным числом месопотамских городов, сумевших пережить не менее страшные разрушения, чем то, которое причинил вавилонский правитель столице Среднего Евфрата. И возникает естественный вопрос - не было ли Мари лишь случайной, эпизодической общественной единицей, для окончательного исчезновения которой оказалось достаточно лишь одного военного похода? Или, быть может, относительная краткость существования Мари вызвана специфической ситуацией, в которой исторические и географические обстоятельства так переплелись между собой, что породили могущественный город, который был необходим в определенное время и в определенном историческом контексте, а затем исчез, когда единство условий, предопределявших его существование, было нарушено?

Ныне для исследователей очевидно, что расположенный в долине Среднего Евфрата город Мари находился на границе двух миров. Действительно, географы считают, что собственно месопотамское

течение Евфрата начинается на уровне Дейр-эз-Зора или Майадина, т.е. на сотню километров выше Телль-Харири. То обстоятельство, что это наблюдение опирается преимущественно на гранулометрическую характеристику почв и само по себе, по крайней мере на первый взгляд, может иметь лишь слабое влияние на условия судоходства по Евфрату и эксплуатации долины этой реки [см.: Margueron, 1984, p. 281-284] не умаляет, по нашему мнению, роли местоположения Мари, которое обычно считают окраинным и по отношению к Сирии, и по отношению к Месопотамии.

Ныне река протекает в 2-3 км от городища Телль-Харири, расположенного на правом ее берегу. Но многочисленные покинутые ею рукава, равно как и частые перемены течения, которые еще не стерлись из памяти местных жителей, свидетельствуют о таком непостоянстве последнего, которое не позволяет уверенно судить, где в точности протекал Евфрат в пору существования Мари. Очертания северного края холма Телль-Харири не совпадают с древними границами города и представляют собой результат эрозии, вызванной соседством одного или же двух меандров. Надо надеяться, что дальнейшие почвенно-морфологические изыскания позволят уточнить положение города по отношению к реке в древний период - достаточно важно знать, был ли город Мари правобережным или левобережным. Но сегодня это не столь уж существенно для решения вопроса о жизни города в его естественных границах.

Эти границы определялись отрогами плато Дура-Эвропос на севере и Багуза на юге; с востока и запада отроги плато находятся уже вне орошаемого района, но именно они образуют собой границы долины в собственном смысле слова. Эта долина, имеющая примерно 40 км в длину и около 15 км в ширину, вполне могла служить аграрной базой, достаточной, чтобы обеспечить существование города [см.: Грибов, 1970, с. 31-40, и др.]. К тому же местоположение Терки в 25 км к северу от плато Дура-Эвропос вполне вписывается в рамки предполагаемого раздела региональных сфер влияния. Однако единая территория, способная обеспечить выживание города, сама по себе не может дать ему могущество. Следовательно, причины величия Мари надо искать в чем-то другом.

Мари не был городом, выросшим на пересечении дорог. Хотя река и представляла собой ось, направленную с северо-запада на юго-восток, однако не было никаких важных путей, которые вели бы сюда из Сирийской степи или из Эль-Джезире, т.е. с севера и с северо-востока или с северо-запада. При этом письменные источники старовавилонского (аморейского) периода показывают, что военная экспансия осуществлялась вдоль реки и ее притоков [История Древнего Востока, ч.1, 1983, с.316, сл.]. Даже если отдельным завоевателям и удавалось продвинуться за пределы речной долины, то, видимо, все же именно река определяла честолюбивые устремления правителей, а с ними и основные интересы города. В дни своего могущества Мари не имел оснований опасаться других городов, расположенных по берегам реки. Так, Терка и в раннединастическое, и в старовавилонское время находилась в зависимости от Мари. Напротив, тучи, тающие угрозу для Мари, начинают собираться вдалеке от реки. Они надвигаются из Северной Сирии, Хабур и Вавилонии. Евфрат же и в этом случае играет роль главного пути, как и при осуществлении экономических связей.

Поэтому фактом, в первостепенном значении которого уже мало кто сомневается, было располо-

жение Мари между такими полюсами экономических связей, как Северная Сирия, Хабур и Вавилония [см.: Parrot, 1958, v.2, part 3]. Очевидно, что это позволило Мари принимать участие в торговле на правах партнера и обеспечивало ему важнейшую роль посредника. Осуществляя строгий контроль над транзитом, Мари получало возможность взимать крупные пошлины с проезжающих. Изучение текстов, обнаруженных во дворце, показывает, что именно такого рода пошлины были источником богатства, а значит, и могущества Мари [Parrot, 1958, v.2, part 3, с.99-103]. Естественно, политической задачей его правителей было удержать под своим контролем как сам Евфрат, так и устья его притоков, чтобы не позволить другим властителям закрепиться здесь. Достаточно взглянуть на карту, чтобы увидеть уязвимость такого положения - ведь приходилось удерживать территории шириной около 15 км и длиной в несколько сотен километров. Поэтому единственной возможностью обеспечить господство над столь неизмеримо растянувшейся территорией была слабость соседних государств. Иными словами, Мари не могло бы существовать, взysкивая пошлины с проходящих судов, иначе как находясь в окружении царств, равных или почти равных ему по силе, но неспособных навязать свое господство над рекой. Однако стоило одному из этих царств возвыситься над другими, в особенности если при этом в его власти оказывался какой-либо из концов упомянутой речной экономической оси, как существованию Мари должен был наступить конец - исчезала необходимость платить пошлину посреднику, существование которого переставало быть необходимым. Велик становился соблазн либо, заняв место Мари, самому брать пошлину с кораблей других стран (если границы владений в этой области не выходили за пределы тех, которыми обладала свергнутая династия - как и произошло в случае Шамши-Адада), либо просто стереть с лица земли завоеванный город, чтобы создать на его месте контрольный пост у входа на вновь захваченную территорию. Последнее соображение удовлетворительно объясняет полное разрушение Мари воинами Хаммурапи.

Таким образом, в раннеавилонское время, в период аморейских династий, город Мари мог процветать лишь в мире, разделенном на «номовые» царства, обладающие приблизительно равным могуществом. Но такое царство было обречено на исчезновение, стоило какой-либо из соседних из соседних с ним территориальных единиц превратиться в империю [см. подробнее: Дьяконов, Якобсон, 1982, с.3-10; Дьяконов, 1990, с.7-32]. Нет нужды здесь доказывать, вслед за этими авторами, что сходные исторические причины вызывают едва ли не идентичные последствия. Видимо, царство Мари знавало аналогичные перемены уже в III тыс. до н.э., когда вслед за периодом расцвета и необычайного могущества, фоном для которого служили царства раннединастического времени, последовали периоды более или менее глубокого упадка, связанного с успехами аккадских или позднешумерских правителей Месопотамии или Сирии. Последним удавалось на некоторое время распространить свое господство и на противоположный полюс торгового оборота. В связи с этим нельзя не отметить, что могущество Мари в III тыс. до н.э. при экономических условиях того времени нельзя объяснить иначе, как связав с существованием на противоположном конце реки развитой Сирии, а также со значительным и плодотворным обменом, осуществившимся по Евфрату.

Если это так, то царство Мари, по сути, представляло собой анклав, расположенный между двумя различными экономическими полюсами, дополнявшими друг друга, причем такое существование могло продолжаться лишь при соблюдении известного равновесия между примерно равновеликими царствами. А поскольку Мари находилось на перекрестке важнейших торговых артерий между Сирией (здесь встречались дороги, ведущие в Палестину, Средиземноморье и Анатолию), Хабуром и Месопотамией (здесь соединялись пути из Ирана, Элама и с Персидского залива), то именно этим и определяются особенности «историко-культурного феномена Мари» - по сути, цивилизации, которая здесь складывалась. В таком случае, характер дальнейшего изучения Мари определяется достаточно четко - выяснить, какое преобладающее влияние одного из этих двух полюсов испытывало Мари, и в какой мере пересечение этих влияний порождало самобытность его культуры. Какой была культура Мари - месопотамской, сирийской или же особой, «среднеевфратской»?

Ход истории археологических открытий и слишком традиционный взгляд на связи между разными культурными центрами Ближнего Востока совершенно естественно привели к тому, что культура Мари в основном увязывалась с месопотамской и рассматривалась как своего рода аванпост последней. Данью этой традиции и явилось написание настоящей работы - очевидно, что при характеристике архитектуры и искусства Мари мы использовали «общемесопотамскую» периодизацию. Иначе и быть не может. Но сравнительно недавние археологические открытия в Эбле под руководством П.Маттиэ (начиная с 1964 г.), претендующие на обнаружение новой цивилизации, равной месопотамской, дают серьезные основания для коренного пересмотра и самой «месопотамской» научной традиции. Именно так поставил вопрос открыватель Эблы Паоло Маттиэ в своей книге «Ebla: un impero ritrovato» [1977]. И действительно, ныне активное изучение Эблы в сознании многих ассириологов даже отодвинуло изучение «феномена Мари» на второй план [см.: Лоон, 1984; Иванов, 1989, с.187-190 и др.].

Мы должны признать, что Мари было связано с сирийским миром не менее тесными узами, чем с миром месопотамским. Но при этом оно обладало достаточно выраженной самобытностью, которую мы и именуем «культурным феноменом Мари». Примеры сравнительных исследований храма Дагана, зиккурата, «Священной ограды» в Мари с подобными сооружениями в Сирии позволяют пересмотреть тезис об однозначной принадлежности Мари к месопотамскому миру. Такая работа сейчас проводится [Маргерон, 1985, библиография]. Разделяя в целом позицию о необходимости такого пересмотра, мы пока считаем его преждевременным из-за недостаточности и пока малой изученности сирийского материала. И все же, справедливости ради, нам хотелось бы привести пример в пользу упомянутого пересмотра из области своей компетенции - области искусства. И снова прибегнуть к методу «портретирования». Но, как выяснится, этот пример подчеркивает скорее самобытность и уникальность Мари, нежели преобладание сирийского или месопотамского влияний.

Такой пример особенно уместен и показателен, поскольку, в отличие от архитектуры, всегда «привязанной» к месту своего внедрения, распространенный предмет искусства не может подчиняться во всех случаях одним и тем же закономерностям. В поисках влияний следует учитывать специфические

особенности каждой категории предметов. Это касается, например, произведений скульптуры.

Искусство ваяния в Мари по праву пользуется широкой славой, которую стяжало ему и количество, и качество произведений. Как это обычно бывало на древнем Востоке, большая часть скульптур происходит из храмов. Так, в храме Иштар во время раскопок, проводившихся в ходе первого и четвертого сезонов, было зарегистрировано не менее 111 инвентарных номеров, которым соответствуют либо целые статуи, либо их фрагменты [Parrot, 1956, с.67-112, табл. XXV-XLV]. В храмах Нинни-Заза и Иштарат было собрано не менее 350 инвентарных единиц статуй и фрагментов [Parrot, 1967, с.37-178, табл. XII-LIX]. Многие фрагменты могут принадлежать одной статуе, и потому нельзя достаточно точно определить, сколько всего статуй было в одном святилище (более сотни?). Во всяком случае, следует подчеркнуть исключительное обилие, если не численную уникальность подобных находок [Parrot, 1968, p.15-20]. Другие храмы на территории Мари не обнаружили такого богатства скульптур, поставленных по обету (*ex voto*). Разумеется, было бы естественно задаться вопросом о социальных, религиозных и культурных причинах такого несовпадения, но это представляет собой отдельный и весьма объемный исследовательский сюжет. Весьма возможно, что не все статуи, найденные в святилищах священного квартала к югу и к северо-востоку от храма Дагана, были поставлены *ex voto* - некоторые из них просто могли представлять собой стационарные изображения божеств. К тому же, если развалины дворца Зимри-Лима и содержали образцы исключительной важности, то слои этого же здания, соответствующие III тысячелетию, гораздо беднее статуэтками. Таким образом, места находок более или менее соответствуют тому, что можно видеть в Месопотамии, а также в Сирии, где больше всего статуй обычно бывает в храмах, но от случая к случаю их находят также и в культовых помещениях дворцов. Следовательно, мы не видим здесь ничего такого, что не соответствовало бы обычному положению дел на Древнем Востоке. И нет никаких оснований искать причины особого богатства Мари произведениями скульптуры в каких-то местных особенностях.

Благодаря своему географическому положению на стыке областей, более или менее богатыми произведениями скульптуры (прибрежной и внутренней Сирии, долин Хабур и Диялы, Ассирии и Шумера), Мари могло быть местом, где встречались разнообразные влияния. Однако сравнение различных произведений ничего подобного не показывает - напротив, создается впечатление значительной индивидуальности местной скульптуры. Изделия из Мари поражают рядом моментов:

- значительным разнообразием поз. В то время как обычно наиболее распространенным является положение стоя, причем либо обе руки сложены перед грудью в позе адорации, либо одна рука держит какой-то предмет (кубок, ветвь...), в Мари мы видим, кроме того, играющих на арфе сидящих музыкантов, персонажей, восседающих на троне, пары, сплетенные в объятия, жертвователей, несущих козленка, и т.п.;

- трактовкой одежды, которая сама по себе не отличается от той, что засвидетельствована на Дияле или в Телль-Чузере, но иногда с удивительной точностью воспроизводит материал. Это особенно характерно для выделки древними художниками юбки-каунаке (статуэтки жрицы из храма Иштар или мужской статуи царя Йку-Шамагана из хра-

ма Нини-Заза, и многие др.). К этому можно добавить и пряди на каунаке Эбих-Иля;

- лепкой лица, в отдельных случаях поражающей успешными поисками объема и непривычным в древневосточных изображениях реализмом. Это даже позволяет ставить вопрос о развитии искусства портрета в Мари.

Во всех этих произведениях, достигших высокой степени совершенства, не ощущается сколько-нибудь заметного внешнего влияния. Действительно, сирийскую скульптуру III тыс. до н.э. еще только предстоит открыть, а статуэтки из бронзы не позволяют полностью привязать Мари к сирийскому миру. Впрочем, это не касается других категорий материала. Наши же наблюдения показывают, что произведения из столицы Среднего Евфрата относятся к группе, которую принято считать месопотамской. И при детальном рассмотрении эти произведения не поддаются отождествлению ни с одним определенным центром. Так, изделия из Телль-Чузры ближе к предметам с Диялы, чем к предметам из Мари.

Единственным объяснением столь глубокой культурной самобытности, свойственной столице Среднего Евфрата, как нам кажется, может быть существование там особой школы (или мастерской), которая сумела создать на технической и культурной основе, несомненно, общей для всех стран Ближнего Востока, произведения более оригинальные, чем рядовая продукция, и в их числе отдельные шедевры, поражающие своей тонкостью. И, как можно видеть, наш очерк об искусстве и культуре Мари построен на преимущественном рассмотрении именно таких шедевров на об-

щем фоне месопотамской культуры. Эти шедевры и порождают в нашем сегодняшнем сознании и восприятии «культурный феномен Мари», который подлжет отдельному изучению.

Таким образом, можно утверждать, что Мари составляет часть как сирийского, так и месопотамского мира, сохраняя, однако, поразительную способность трансформировать общие для всего Ближнего Востока культурные и религиозные основы и технические приемы и предлагать совершенно оригинальные решения. Лишь при учете такой способности, или «энтелихии» культуры Мари, ее особой «духовной энергии» [см.: Кнабе, 1994, с.200-205] можно будет прийти к окончательному заключению и решить, играет ли лишь Мари роль реципиента, копирующего свое окружение, или, наоборот, оно была способно на подлинную самобытность и преодоление воспринятых влияний. Для этого, разумеется, придется в перспективе давать оценку относительной важности различных составляющих цивилизации Мари.

Разумеется, в рамках этой краткой и обзорной статьи не может быть и речи об окончательном решении такой глобальной научной проблемы. Но она является ориентирующей при исследовании «культурного феномена» марийской цивилизации. Свою задачу мы здесь лишь усматриваем в том, чтобы такую проблему поставить, наметить пути для ее разрешения, причем так, чтобы при дальнейшем изучении можно было выйти за пределы частного случая, каким является Мари, решить важнейший вопрос о взаимных связях исторических центров Ближнего Востока с одной стороны, и об их самобытности - с другой.

ЛИТЕРАТУРА

- Авдиев В.И. 1936. Раскопки в Мари // Наука и жизнь. №8.
- Авдиев В.И. 1959. Возникновение торговых и культурных связей между странами Ближнего Востока в VI-III тысячелетиях до н.э. // Вопросы истории. №8.
- Брей У., Трамп Д. 1990. Археологический словарь. М.
- Варшавский А.С. 1982. Вначале были легенды. М.
- Грибов Р.А. 1970. Земельные отношения в Мари // ВДИ. №2.
- Дьяконов И.М. 1990. Люди города Ура. М.
- Дьяконов И.М., Якобсон В.А. 1982. «Номовые государства», «территориальные царства», «полюсы» и «империи». Проблемы типологии // ВДИ. №2.
- Иванов В.В. 1989. XXXIV Международная встреча ассириологов // ВДИ. №4.
- Иванов В.В. 1970. Предварительные данные о материалах клинописного архива Эблы // ВДИ. №2.
- История древнего Востока / ред. И.М.Дьяконов. М., 1983. Книга 1. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. - Ч.1. Месопотамия; Ч.2. Передняя Азия и Египет. - М., 1988.
- Керам К.М. 1966. Боги, гробницы, ученые. М.
- Кленгель Х. 1980. Архивы Эблы и история Сирии: проблемы и перспективы // *Missione archeologica italiana in Siria*. Roma.
- Кнабе Г.С. 1994. Энтелехия культуры // Диалог культур. Вып. XXV. М.
- Крамер С.Н. 1991. История начинается в Шумере. М.
- Ламберг-Карловски К., Саблов Дж. 1992. Древние цивилизации. Ближний Восток и Мезоамерика. М.
- Ллойд С. 1984. Археология Месопотамии. М.
- Лоон М.Н. ван. 1984. Конец периода ранней бронзы в Сирии: проблемы хронологии и интерпретации // *Missione archeologica italiana in Siria*. Roma.
- Майбаум Х. 1982. Сирия - перекресток путей народов. М.
- Маргерон Ж.-К. 1985. Мари - самобытность или заимствования? // *Missione archeologica italiana in Siria*. Roma.
- Маттиэ П. 1977. Эбла - открытие города в Сирии, процветавшего 4000 лет назад // *Курьер ЮНЕСКО*, январь.
- Маттиэ П. 1980. Царский дворец G в Эбле и протосирийские архитектурные традиции // *Missione archeologica italiana in Siria*. Roma.
- Мерперт Н.Я. 1978. Эбла - еще одна цивилизация древности // Наука и жизнь. №1.
- Оппенгейм А.Л. 1980. Древняя Месопотамия. М.
- Парро А. 1973. Руины рая // *Курьер ЮНЕСКО*, июль.
- Пеклер Х. 1940. Древнее государство Мари // *Исторический журнал*. №9.
- Barton G. 1929. *The Royal Inscriptions of Sumer and Akkad*. New Haven-London.
- Margueron J. 1984. *Mari // Les Annales archeologiques arabes syriennes*. XXIV.
- Mattiae P. 1977. *Ebla: un impero ritrovato*. Torino.
- Mattiae P. 1980. *Architecture and Art of the Royal Palace G of Ebla: some historical and chronological considerations // La civita di Ebla: archeologia e filologia*. Roma.
- Parrot A. 1938. *Mari et Chagar Bazar // Iraq*. 19.
- Parrot A. 1948. *Tello: Vingt Campagnes de Fouilles*. 1871-1933. Paris.
- Parrot A. 1946. *Archaeologie Mesopotamienne*. Vol. I. Paris.
- Parrot A. 1953. *Archaeologie Mesopotamienne*. vol. II. Paris.

Parrot A. Mission Archeologique de Mari. - Vol.I. Le Temple d'Ishtar. - Paris, 1956; vol.2, part 1. Le Palais: Architectur. - Paris, 1958; vol. 2, part 2. Le Palais: Peintures Murales. - Paris, 1958; vol.2, part 3. Le Palais: Documents et Monuments. - Paris, 1958; vol.3. Les Temples de Ishtar et de Ninni-Zaza. - Paris, 1967; vol.4. Le Tresor d'Ur. - Paris, 1967.

Parrot A. 1961. Nineveh and Babylon. London.

Parrot A. 1967a. Les Fouilles de Mari: XVI-me Campagne // Les Annales archeologique arabes siriennes. XVII.

Parrot A. 1968a. Les Fouilles de Mari: Dix-septieme Campagne // Les Annales archeologique arabes syrienne. XVIII.

Parrot A. 1962. Les Fouilles de Mari: Vingtieme Campagne // Syria. 39.

ЛИТЕРАТУРА НА АРАБСКОМ ЯЗЫКЕ

Абу Ассар А. 1988. Асар аль маалик аль гади-ма Сюрия. Дамаск.

Бунгард Л. 1988. Аль Джадид ан аль шарк. Даар аль Такадум-Москва.

Гуляев В. 1989. Аль Мудон л'Ула. Даар аль Такадум-Москва.

Кленгель Х. 1985. Syria Antiqua. Лейпциг.

Мать П., Арки А., Петинанту Дж., Касем Туср. 1984. Эбла. Дамаск.

Парро А. 1979. Мари. Дамаск.